

Научная статья

УДК 34:004:347.45/.47

EDN: <https://elibrary.ru/lbzqze>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.46>

Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий

Татьяна Александровна Савельева

Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета
г. Новосибирск, Российская Федерация

Ключевые слова

баланс интересов,
блокчейн,
дистанционная сделка,
дистанционный договор,
информационные
технологии,
искусственный интеллект,
право,
смарт-контракт,
цифровые технологии,
электронный документ

Аннотация

Цель: обоснование необходимости выделения новых договорных конструкций (моделей) с учетом специфики отношений, связанных с использованием дистанционного способа заключения договора посредством цифровых технологий и возможными рисками для их участников.

Методы: наряду со специально-юридическими методами основополагающим в процессе исследования стал метод критического анализа, что позволило оценить и интерпретировать основные источники и нормы гражданского права применительно к совершению дистанционных сделок, проанализировать современное состояние законодательства в этой области в контексте развивающихся процессов цифровизации и технологизации гражданско-правовых отношений.

Результаты: представлен критический анализ текущего состояния правовой регламентации дистанционных способов заключения договоров, дана их классификация. Сделан вывод о том, что развитие цифровых технологий порождает новые дистанционные способы совершения сделок, а также наполняет новым содержанием традиционные для гражданского права процедуры заключения договора. Обоснована целесообразность выделения понятия «дистанционная сделка» в качестве правовой категории в целях создания специального гражданско-правового режима, при этом базовым понятием должно являться понятие «дистанционный договор». Проанализированы отдельные виды дистанционных договоров для обоснования идеи о необходимости специальных правовых режимов в случаях, когда дистанционный способ заключения договора сочетается с использованием цифровых технологий, применение которых ставит такие проблемы, как распределение рисков технологических сбоев, хакерских атак, соблюдение баланса интересов сторон с учетом информационной асимметрии, необходимость защиты слабой стороны.

© Савельева Т. А., 2023

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: предпринята попытка дать определение таких понятий, как «дистанционный договор», «дистанционная сделка», выделить их признаки. Обоснована целесообразность рассмотрения дистанционного договора в качестве самостоятельной правовой конструкции (модели) договора, в рамках которой должен быть разработан и закреплен специальный правовой режим, который может быть распространен на односторонние дистанционные сделки. Сформулированы проблемы правового регулирования, обусловленные использованием информационных технологий, а также предложены правовые конструкции для их решения.

Практическая значимость: сделанные выводы и предложения могут быть использованы как в договорной практике участниками гражданского оборота, так и для нормативного закрепления понятия и признаков «дистанционного договора», «дистанционной сделки», создания специального правового режима с учетом специфики, порождаемой использованием цифровых технологий.

Для цитирования

Савельева, Т. А. (2023). Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 1058–1086. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.46>

Содержание

Введение

1. Понятие и виды дистанционных сделок
 - 1.1. Сфера использования и регламентация дистанционного способа заключения договора
 - 1.2. О понятии дистанционной сделки. Виды дистанционных договоров и иных сделок
2. Обеспечение баланса интересов сторон при совершении ряда дистанционных сделок
 - 2.1. Договоры, заключаемые через интернет-сайты
 - 2.2. Договоры, заключаемые путем составления одного электронного документа, подписанного сторонами
 - 2.3. Договоры, заключаемые дистанционно в нотариальной форме (путем удостоверения двумя или несколькими нотариусами)
 - 2.4. Договоры, заключаемые путем обмена электронными документами
3. Отдельные аспекты дистанционных сделок, выходящие за пределы частноправового регулирования
 - 3.1. Возложение на частных субъектов (носителей информации по дистанционным сделкам) публичных функций
 - 3.2. Особенности доказывания по спорам, возникающим из дистанционных сделок
 - 3.3. Использование потенциала искусственного интеллекта, смарт-контрактов при дистанционном взаимодействии участников договорных отношений

Выводы

Список литературы

Введение

Развитие цифровых технологий затрагивает все сферы деятельности человека, включая взаимоотношения участников гражданского оборота при совершении и исполнении сделок.

Цифровые технологии позволяют участникам гражданского оборота вести переговоры, вступать в договорные отношения, обмениваться документами, осуществлять и принимать исполнение, доводить свое волеизъявление до другой стороны дистанционно. При этом использование цифровых технологий делает дистанционное взаимодействие сторон по договору принципиально иным по сравнению с периодом «доцифровой» эпохи.

Действующее законодательство пытается учесть развитие информационных технологий. Так, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ или Кодекс)¹ был дополнен в 2019 г. нормами, предусматривающими возможность заключения договора в электронной форме (путем обмена электронными сообщениями, путем заключения одного электронного документа)².

Между тем законодатель не выделяет дистанционные сделки в качестве отдельной категории. Возникает закономерный вопрос о целесообразности такого выделения с точки зрения практических потребностей гражданского оборота, а также с точки зрения доктрины. Достаточно ли того, что в законе предусмотрена электронная форма сделки?

Критерием правильности ответа на этот вопрос должен быть тест относительно соблюдения баланса интересов сторон по сделкам, заключаемым дистанционно. Достигается ли он в рамках текущей правовой регламентации, когда отсутствует специальный правовой режим, обусловленный дистанционным характером взаимодействия сторон, исключающим непосредственное восприятие волеизъявления другой стороны, ознакомление с предметом сделки в момент ее совершения и т. п.?

Следует отметить, что большое количество юридической литературы посвящено исследованию электронной формы сделки, при этом ряд важных аспектов, касающихся дистанционного взаимодействия сторон и выходящих за пределы формы сделки, остаются без должного внимания, включая вопрос о соблюдении баланса интересов сторон.

Между тем очевидно, что оценка эффективности процесса цифровизации дистанционных способов совершения сделок должна осуществляться через призму соблюдения баланса интересов сторон. В противном случае не будут достигнуты ни цели цифровизации, ни цели правового регулирования.

Следует отметить, что заключение договора путем обмена сообщениями, письмами, равно как и путем подписания одного документа, являются традиционными для гражданского права и достаточно детально урегулированы в ГК РФ.

Возможность обмена электронными сообщениями с использованием цифровых технологий, на первый взгляд, не меняет сути традиционного подхода, поскольку меняется только форма сообщения. То же самое можно сказать и по поводу возможности заключения договора путем подписания одного электронного документа.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изменениями). СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brfs>

² О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. № 34-ФЗ от 18.03.2019. (2019). Собрание законодательства РФ, 12, ст. 12.

Однако такой взгляд является поверхностным. Ведь использование цифровых технологий с неизбежностью порождает риски технологического характера, включая риски уничтожения или искажения содержания электронного документа, риски нарушения интересов одной из сторон в силу возможной информационной асимметрии и т. п.

Настоящее исследование посвящено анализу дистанционных способов совершения сделок с использованием цифровых технологий, с тем чтобы оценить, насколько традиционные подходы к заключению гражданско-правового договора и состояние действующего гражданско-правового законодательства соответствуют новым вызовам, которые возникают в связи с активным использованием цифровых технологий в сфере взаимодействия участников договорных отношений.

Работа состоит из трех частей. В первой части будут проанализированы дистанционные способы заключения договора и совершения односторонних сделок, их особенности, связанные с использованием цифровых технологий, с тем чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии целесообразности выделения «дистанционного договора» и «дистанционной сделки» в качестве правовых понятий. Вторая часть работы посвящена рассмотрению отдельных видов дистанционных договоров в аспекте соблюдения баланса интересов сторон. В третьей части будут рассмотрены аспекты, касающиеся дистанционного взаимодействия сторон, которые выходят за рамки частноправового регулирования, но могут служить подтверждением или опровержением целесообразности рассмотрения дистанционных сделок в качестве правового понятия с установлением специального правового режима.

1. Понятие и виды дистанционных сделок

1.1. Сфера использования и регламентация дистанционного способа заключения гражданско-правового договора

В гражданском обороте широкое распространение получил дистанционный способ заключения различных сделок. В нашу жизнь прочно вошли дистанционная торговля, дистанционное банковское обслуживание, включая расчеты с использованием банковских карт, кредитование и даже заключение сделок с недвижимостью в дистанционном формате. К дистанционному способу совершения сделок можно отнести любые сделки, когда стороны вместо физического присутствия на этапе переговоров и совершения сделки используют средства дистанционной связи, включая почтовые сообщения, электронную почту, СМС-сообщения, Интернет и др.

Что касается правового регулирования дистанционного способа заключения сделок, то здесь следует отметить отсутствие системного подхода, который учитывал бы специфику отношений, связанных с использованием данного способа заключения договора применительно к различным сферам. Так, дистанционный способ розничной продажи товаров достаточно детально урегулирован законодательством³.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 14-ФЗ от 26.01.1996 (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023), ст. 497. СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36briF>; О защите прав потребителей. № 2300-1 от 07.02.1992 (с изменениями), ст. 26.1. СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brjV>; Постановление Правительства Российской Федерации № 2463 от 31.12.2020. (2020). СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brka>

Говоря об иных сферах использования дистанционного способа заключения договоров, следует отметить отсутствие специального правового регулирования, за редкими исключениями, которые будут рассмотрены далее. Такой подход вызван тем, что законодатель, вероятно, исходит из отсутствия такой необходимости регламентации.

С учетом указанного представляется важным проанализировать действующие правовые нормы общего характера, касающиеся дистанционного способа заключения договоров, для того чтобы оценить достаточность правовой регламентации с учетом стремительного развития цифровых технологий и их использования на практике. Процесс цифровизации требует переосмысления многих традиционных взглядов на договорную сферу, включая дистанционный способ заключения договора. При анализе мы оставляем за рамками вопросы использования искусственного интеллекта в области взаимодействия участников гражданско-правовых договоров.

При этом нельзя не признать увеличение влияния искусственного интеллекта на все сферы нашей жизни, одним из проявлений такого влияния является перенос коммуникаций в виртуальную среду (киберпространство) (Филипова, 2023). С учетом указанного тема влияния искусственного интеллекта на процесс взаимодействия сторон при дистанционном способе заключения сделок заслуживает отдельного исследования.

В силу п. 1 ст. 160 ГК РФ сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами. Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

Любой договор, заключаемый между отсутствующими, может быть квалифицирован в качестве дистанционной сделки в широком смысле слова.

В Кодексе детально урегулирован порядок заключения договора именно между отсутствующими, который включает направление предложения (оферты), ее рассмотрение акцептантом, направление им акцепта, его получение оферентом. В силу п. 1 ст. 433 ГК РФ «договор признается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта»⁴.

Законодателем установлены последствия направления оферты, содержащей срок для акцепта (ст. 440 ГК РФ), оферты, не содержащей срока для акцепта (ст. 441 ГК РФ), последствия опоздания акцепта (ст. 443 ГК РФ) и т. п.

К дистанционному способу заключения договора можно отнести и заключение договора путем совершения акцептантом конклюдентных действий. Так, в силу п. 3 ст. 438 ГК РФ совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). СПС «КонсультантПлюс». <https://clck.ru/36eEQ9>

акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузку товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплату соответствующей суммы и т. п.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте.

Развитие цифровизации, возможность направления оферты и акцепта путем применения информационных технологий делают необходимым по-новому взглянуть на порядок заключения договора между отсутствующими, выделить в отдельную категорию договоры, заключаемые дистанционно путем обмена документами не в традиционной бумажной форме.

Кроме того, сфера использования дистанционного способа заключения договора охватывает не только заключение договора путем обмена письмами, сообщениями по типу оферта – акцепт, но и путем подписания одного документа в электронной форме.

В 2019 г. в Кодекс внесены важные изменения, в частности в ст. 434 ГК РФ. В силу п. 2 данной статьи договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго п. 1 ст. 160 Кодекса.

Как известно, путем подписания одного документа подлежат заключению договоры по поводу недвижимого имущества (ст. 550, 560, 651, 658 ГК РФ), корпоративный договор (ст. 67.2 ГК РФ), договор о создании акционерного общества (ст. 98 ГК РФ) и др. Договоры, заключаемые путем подписания одного электронного документа, безусловно, могут быть отнесены к дистанционным договорам.

Ряд договоров, заключаемых путем одного документа, требуют нотариального удостоверения. В частности, нотариальному удостоверению подлежат договор ренты (ст. 584 ГК РФ), сделка, направленная на отчуждение доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (п. 11 ст. 21 Закона об обществах с ограниченной ответственностью)⁵.

Участники гражданского оборота могут нотариально удостоверить сделки в случаях, предусмотренных соглашением сторон, хотя бы по закону для сделок данного вида эта форма не требовалась (п. 2 ст. 163 ГК РФ). В рамках процесса цифровизации в нашей стране нотариат в 2019 г. был наделен полномочиями по совершению нотариальных действий в дистанционном режиме. Одной из новелл явилось включение правил об удостоверении сделки с участием двух и более нотариусов без их личного присутствия⁶.

Речь идет о ситуации, когда стороны сделки находятся в разных регионах и совершают сделку, не покидая место своего нахождения. При этом нотариальное удостоверение сделки осуществляется нотариусами разных регионов. Стороны сделки с участием нотариусов готовят проект договора, затем подписывают текст на

⁵ Об обществах с ограниченной ответственностью. № 14-ФЗ от 08.02.1998 (ред. от 13.06.2023). СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brni>

⁶ О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 480-ФЗ от 27.12.2019. (2019). Собрание законодательства РФ, 52 (ч. I), ст. 7798.

бумажном носителе и в электронном варианте. Такие договоры также могут быть отнесены к дистанционным сделкам.

Важную категорию дистанционных сделок составляют смарт-контракты. Смарт-контракты могут использоваться в различных сферах и на разных стадиях договорных отношений. Они позволяют потребителям выбирать поставщика, вступить с ним в договорные отношения. При развертывании на блокчейне смарт-контракты могут автоматически заключать соглашения и обеспечивать их соблюдение (Kirli et al., 2022).

Сразу отметим, что законодательное определение смарт-контракта отсутствует. В литературе высказаны разные точки зрения относительно их правовой природы. Юридическая общественность пытается найти ответы на вопрос о возможности применить к смарт-контракту в той или иной мере традиционные договорные конструкции (Савельев, 2016; Белов, 2021; Ефимова, 2019; Чурилов, 2020; Шелепина, 2021; Цепов, Иванов, 2022; Чельшева, 2022; Hsain et al., 2021).

Между тем, несмотря на споры относительно понятия смарт-контракта, как справедливо отмечается в литературе, смарт-контракты реально используются в повседневной жизни, например при вызове такси, аренде автомобилей и др. (Уткин, 2022).

По мнению ряда авторов, «смарт-контрактом называется компьютерная программа (или компьютерный код), которая может быть заключена только с использованием технологии blockchain и позволяет автоматически заключать, исполнять и прекращать различные договоры по наступлении заранее установленных юридических фактов» (Ефимова, Сизимова, 2019).

В проекте федерального закона «О цифровых финансовых активах» было дано такое определение: «Смарт-контракт – договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств»⁷.

Данное определение было исключено из текста закона, а в ходе обсуждения законопроекта с отрицательным мнением по этому вопросу выступил Комитет по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, который указал, что «смарт-контракт по сути есть компьютерный алгоритм, позволяющий участникам распределенного реестра обмениваться активами, представляет собой технологию и не может признаваться видом гражданско-правового договора». В заключении данного Комитета было указано, что по смарт-контрактам в ст. 309 ГК РФ вводится единственное и достаточное для регулирования правило: «факт совершенного компьютерной программой исполнения сделки не оспаривается (кроме случаев вмешательства в действие программы). После идентификации пользователей в системе дальнейшее их поведение подчиняется алгоритму компьютерной программы, организующей сеть, а лицо, «покупающее» тот или иной виртуальный объект (цифровое право), получит этот объект автоматически»⁸.

⁷ О цифровых финансовых активах: проект федерального закона № 419059-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018). СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36bron>

⁸ Заключение Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству от 03.04.2018 № 3.8/522 «По проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brpn>

Исследователи справедливо отмечают, что одной из наиболее актуальных проблем при использовании смарт-контрактов является то, что они основаны на процедурных языках программирования. Код, изложенный на процедурном языке, обычно должен указывать, как решить проблему, явно предоставляя четкие инструкции, которые управляют его поведением (Ferro et al., 2023).

Вопросы, касающиеся смарт-контрактов, требуют отдельного исследования в силу объемности материала, неоднозначности ряда исходных позиций как в понимании смарт-контракта, так и в понимании надежности получаемых результатов при использовании смарт-контракта с учетом того, что они также подвержены атакам (Aquilina et al., 2021).

В настоящей работе рассмотрение смарт-контракта будет затронуто лишь в той мере, в какой это будет необходимым для анализа дистанционных сделок как правовой категории в целом. Говоря о правовой регламентации порядка совершения дистанционных сделок, следует отметить, что обеспечение конфиденциальности информации, включая персональную информацию, является отдельным актуальным аспектом совершения сделок в дистанционном формате.

Особую актуальность этот вопрос приобретает при совершении сделок с иностранным элементом, когда имеет место экспорт личной информации. Неслучайно администрация киберпространства Китая («САС») 24 февраля 2023 г. выпустила «Меры по стандартным контрактам на экспорт личной информации» (Kennedy, 2023).

Представляется, что вопросы экспорта персональных данных в рамках дистанционных сделок с иностранным элементом требуют отдельного исследования, с тем чтобы на законодательном уровне закрепить механизмы по контролю передачи таких данных за пределы Российской Федерации.

В продолжение темы правовой регламентации использования цифровых технологий при дистанционном взаимодействии участников сделки необходимо обозначить еще один аспект, выходящий не только за рамки гражданско-правового регулирования, но и, возможно, за рамки правового регулирования вообще. Речь идет о различиях в правосознании юристов, которые занимаются правотворческой и правоприменительной деятельностью, и субъектов, которые осуществляют технические разработки использования цифровой среды в различных сферах жизни человека, включая дистанционное взаимодействие. Интересное исследование в этой сфере проведено зарубежными авторами, которыми выявлено принципиально разное понимание безопасности у юристов и робототехников (Rompaey et al., 2022).

Рассмотрение данного вопроса выходит за пределы настоящей работы, вместе с тем мы не можем не отметить эту проблему в качестве одной из возможных причин тех затруднений, с которыми сталкивается внедрение новых технических достижений в сферу юриспруденции.

Подытоживая изложенное, можно констатировать, что дистанционный способ заключения договора, т. е. без одновременного личного присутствия сторон и выражения воли в месте заключения договора, не является новым для законодательства. Правовая регламентация порядка заключения договора «между отсутствующими» всегда являлась достаточно детальной. Вместе с тем развитие цифровых технологий порождает новые дистанционные способы заключения договоров, наполняет ранее установленные процедуры взаимодействия сторон новым содержанием.

1.2. О понятии дистанционной сделки.

Виды дистанционных договоров и иных сделок

Действующее законодательство не выделяет дистанционные сделки в отдельную категорию, не устанавливает специального правового режима для их участников, ограничившись регламентацией электронной формы сделки.

Как было указано ранее, дистанционный способ заключения договора не является чем-то новым для нашего законодательства. Обмен письменными сообщениями является классическим способом заключения договора. Вместе с тем нельзя не признать, что дистанционный способ взаимодействия участников сделки порождает определенную специфику во взаимоотношениях. Ведь данный способ исключает непосредственное ознакомление стороны сделки с ее предметом на этапе выражения воли, ограничивает возможности по идентификации участника сделки, а также непосредственное восприятие воли другой стороны. Накладываемое на эту специфику применение цифровых технологий существенным образом влияет на процесс взаимодействия сторон, неизбежно порождает риски, обусловленные использованием данных технологий.

Все это позволяет поставить вопрос о целесообразности выделения понятия дистанционной сделки в качестве правовой категории, а также о необходимости создания специального правового режима с учетом обеспечения баланса интересов сторон сделки. Ведь дистанционное взаимодействие с использованием цифровых технологий порождает вопросы, связанные с информационной асимметрией, необходимостью признания участника сделки слабой стороной и предоставления ей адекватных способов защиты, распределения рисков технологического характера и т. п.

Ранее мы рассмотрели вопросы, связанные с правовой регламентацией дистанционных способов заключения гражданско-правовых договоров, среди которых можно выделить:

- 1) договоры, заключаемые при дистанционном способе продажи товаров в розницу;
- 2) договоры, заключаемые путем обмена письменными сообщениями в классической форме;
- 3) договоры, заключаемые путем обмена электронными сообщениями;
- 4) договоры, заключаемые путем совершения конклюдентных действий;
- 5) договоры, заключаемые дистанционно путем подписания одного документа в электронной форме;
- 6) договоры, заключаемые дистанционно в нотариальной форме (путем удостоверения двумя или несколькими нотариусами);
- 7) смарт-контракты.

Возникает вопрос, можно ли считать все эти договоры дистанционными. Для ответа на этот вопрос необходимо определиться с самим понятием дистанционного договора.

Если под дистанционным договором понимать любой договор, который заключен без личного присутствия сторон в момент выражения воли в месте заключения договора, то практически все перечисленные договоры можно считать дистанционными.

Представляется, что такое понимание дистанционного договора было бы излишне широким, поскольку не отвечало бы целям создания специального правового режима данного вида договора.

Специальный правовой режим, на наш взгляд, требуется там, где дистанционный способ заключения договора сочетается с использованием цифровых технологий. Именно применение цифровых технологий ставит такие проблемы, как распределение рисков технологических сбоев, хакерских атак, соблюдения баланса интересов сторон, защиты слабой стороны, которые должны быть решены в рамках специального правового режима.

Если свести дистанционный порядок взаимодействия сторон в ходе заключения и исполнения договора только к специфике формы договора (к тому, что договор заключается в электронной форме), то все указанные выше аспекты останутся вне зоны внимания.

Вместе с тем нельзя отрицать важность вопросов, касающихся заключения договора в электронной форме. Здесь большое значение имеет овладение определенными навыками работы через интернет-сервисы, повышение правовой грамотности участников гражданского оборота, более глубокое изучение юристами особенности электронной формы договора, уяснение особенностей по сравнению с классическим договором (Tärchilă & Nagy, 2015).

Целесообразность выделения дистанционного договора в качестве самостоятельной правовой категории состоит в том, что позволяет сместить акценты с формы договора на специфику установления содержания договора, объема возникших прав и обязанностей, распределение рисков исходя из дистанционного характера взаимодействия сторон.

С этих позиций в качестве видов дистанционных договоров следует рассматривать:

- 1) договоры, заключаемые в сети Интернет;
- 2) договоры, заключаемые путем обмена электронными сообщениями;
- 3) договоры, заключаемые дистанционно путем подписания одного документа в электронной форме;
- 4) договоры, заключаемые дистанционно в нотариальной форме (путем удостоверения двумя или несколькими нотариусами);
- 5) смарт-контракты.

Все перечисленные виды договоров объединяет то, что стороны дистанционно взаимодействуют на преддоговорной стадии, на этапе заключения договора и, как правило, на стадии исполнения договора. Выражение воли осуществляется опосредованно, волеизъявление воспринимается другой стороной посредством информационных технологий.

При этом одна из сторон договора может являться правообладателем информационного ресурса, с помощью которого осуществляется обмен волеизъявлениями. Более того, эта сторона формирует правила дистанционного взаимодействия, в силу чего обладает информационным преимуществом в договорном процессе.

Все это требует наделения другой стороны определенными гарантиями, которые возможны в рамках специального правового режима. В рамках данного правового режима должны быть решены как минимум следующие вопросы:

- о критериях установления статуса сторон договора, признания одной из них слабой стороной;
- об условиях ответственности сторон, в том числе о применении принципа «строгой» ответственности (независимо от наличия вины), о пределах его применения;
- о том, кто несет риски технологических сбоев, хакерских атак;
- о распределении бремени доказывания между сторонами.

Представляется, что дистанционный договор должен быть выделен законодателем в качестве самостоятельной договорной конструкции, наряду с иными договорными конструкциями, содержащимися в ч. 1 ГК РФ (опционный договор, абонементный договор и др.). В качестве обоснования можно указать на то, что обладает меньшей спецификой, а складывающиеся отношения в рамках такого договора требуют установления специального правового режима.

В последующей части настоящей работы будут рассмотрены вопросы соблюдения баланса интересов сторон применительно к отдельным видам перечисленных выше дистанционных договоров, что, как представляется, послужит дополнительным аргументом в подтверждение целесообразности выделения дистанционного договора в отдельную договорную конструкцию.

Следующий вопрос, который целесообразно затронуть, касается односторонних сделок, а именно имеет ли право на существование понятие дистанционной односторонней сделки наряду с понятием дистанционного договора. При ответе на данный вопрос необходимо исходить из существа односторонней сделки и последствий ее совершения.

В силу п. 2 ст. 154 ГК РФ односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны. С учетом содержания ст. 160 ГК РФ односторонняя сделка может быть совершена в электронной форме.

В силу ст. 155 ГК РФ односторонняя сделка создает обязанности для лица, совершившего сделку. Она может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законом либо соглашением с этими лицами. Именно односторонний характер волеизъявления, отсутствие последствий в виде создания обязанностей для других лиц порождает сомнения в возможности существования дистанционных односторонних сделок.

Вместе с тем следует отметить, что односторонние сделки в ряде случаев могут быть признаны дистанционными. Так, в литературе рассматриваются перспективы дистанционного участия нотариуса в удостоверении завещаний (Яценко, 2019; Михайлова, 2020). В этом случае завещание будет являться дистанционной сделкой.

Далее необходимо учитывать еще один важный аспект. Среди односторонних сделок выделяют сделки, требующие восприятия, и сделки, не требующие восприятия (Акужинов, 2020). Относительно сделок, требующих восприятия, А. В. Егоров указывает: «Смысл выделения данной категории состоит в том, что эта разновидность односторонних сделок получает силу не с момента совершения волеизъявления, а с момента поступления данного волеизъявления адресату» (Егоров, 2015).

Следует отметить, что большинство односторонних сделок являются сделками, требующими восприятия. К ним, в частности, относится односторонний отказ от договора (исполнения договора). В силу ст. 450.1 ГК РФ право на односторонний отказ от договора (исполнения договора) может быть осуществлено управомоченной стороной путем уведомления другой стороны об отказе от договора (исполнения договора). Договор прекращается с момента получения данного уведомления, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором. Какие-либо препятствия заявить об одностороннем отказе от договора в электронной форме отсутствуют (безусловно, при наличии оснований для отказа от договора во внесудебном порядке).

В данном случае мы имеем, на первый взгляд, противоречивую ситуацию. С одной стороны, реализация права на отказ от договора не зависит от контрагента, его отношение к этому и его поведение являются безразличными с точки зрения правовых последствий для лица, отказывающегося от договора. С этой точки зрения односторонний отказ от договора не должен рассматриваться в качестве дистанционной сделки.

С другой стороны, отказ от договора должен быть не только заявлен, но и принят контрагентом. Это означает, что, несмотря на то, что поведение контрагента является безразличным для лица, отказывающегося от договора, тем не менее совершение односторонней сделки предполагает взаимодействие с контрагентом.

В случае если такое взаимодействие будет осуществляться с использованием информационных технологий, есть все основания для того, чтобы был создан специальный правовой режим, о котором речь шла ранее. Указанное свидетельствует о том, что односторонние сделки, требующие восприятия, могут быть отнесены к дистанционным сделкам, если доведение волеизъявления до контрагента осуществляется с использованием цифровых технологий.

При этом, как представляется, базовым понятием должно являться понятие дистанционного договора. В рамках конструкции дистанционного договора должен быть разработан и закреплен специальный правовой режим, который может быть распространен на односторонние сделки.

2. Обеспечение баланса интересов сторон при совершении ряда дистанционных сделок

2.1. Договоры, совершаемые через интернет-сайты

Заключение сделок в сети Интернет получило столь широкое распространение, что делает необходимым рассмотрение порядка совершения сделок через призму соблюдения баланса интересов сторон.

Прежде всего, следует отметить, что в тех случаях, когда заключение определенных соглашений доступно исключительно благодаря участию в интернет-сервисах, это означает невозможность осуществления различных форм деятельности без доступа в Интернет (Lim & Pan, 2021) и должно рассматриваться в качестве фактора, нарушающего права потенциальных потребителей.

Данный аспект выходит за рамки частноправового регулирования и заслуживает отдельного исследования. Однако его нельзя игнорировать, когда речь идет о балансе интересов участников гражданского оборота.

Далее, рассмотрим особенности порядка заключения договоров через интернет-сайты в аспекте гражданско-правового регулирования. Любой договор представляет собой соглашение сторон, содержанием которого является совокупность условий, о которых стороны договорились. Поэтому важным является ознакомление пользователя с условиями договора (офертой, размещенной на сайте). Ведь бездумное нажатие на кнопку «согласен» грозит непредсказуемыми последствиями.

Основные варианты выражения пользователем согласия с условиями договора, размещенными на сайте, зависят от способа размещения на сайте условий соглашения, т. е. оферты.

1. Текст соглашения размещен непосредственно на странице сайта.
2. Оферта непосредственно на странице сайта не размещена, ознакомление возможно путем перехода по гиперссылке.
3. На сайте размещена запись о предполагаемом согласии пользователя с условиями в случае продолжения использования сайта.

При этом варианте вообще возникают сомнения относительно того, можно ли считать договор заключенным, и они должны разрешаться с учетом конкретных обстоятельств (Гринь, 2019).

Порядок заключения договора через интернет-сайты нарушает баланс интересов сторон. Пользователь в силу информационного неравенства является слабой стороной и должен наделяться соответствующими способами защиты, к числу которых можно отнести предусмотренное п. 2 ст. 428 ГК право стороны договора потребовать изменения или расторжения договора с ретроспективным эффектом.

Подытоживая краткое рассмотрение вопроса о заключении договоров через интернет-сайты, следует констатировать, что договоры, заключаемые через интернет-сайты, соответствуют условиям, являющимся основанием для квалификации таких договоров в качестве договоров присоединения в силу ст. 428 ГК РФ.

Способом соблюдения баланса интересов сторон являлось бы закрепление правила о распространении на сделки, совершаемые через интернет-сайты, режима договора присоединения. При этом владельцу сайта могла бы быть предоставлена возможность исключить действие ст. 428 ГК РФ в случае, когда на сайте будет техническая возможность для потребителя участвовать ему в выработке, корректировке условий соглашения, размещенных на сайте.

При этом заслуживает поддержки мнение о том, что «механизмы защиты, которые заложены в п. 3 ст. 428 ГК РФ, не могут быть реализованы в полной мере. Речь идет об отсутствии в законодательстве определенных критериев, позволяющих на практике «расшифровать» (или конкретизировать), имеются ли в правоотношениях неравенство переговорных возможностей и определение условий договора только одной из сторон, которые дают слабой стороне названные правовые гарантии» (Овчинникова, 2022).

Следует согласиться с высказанным в литературе мнением о том, «действующее регулирование не позволяет в должной мере оценить добросовестность и равенство участников соглашения, если условия сформированы только одной стороной с использованием компьютерных технологий» (Кузьмина, Ломакина, 2022).

Таким образом, изложенное позволяет прийти к выводу, что порядок заключения договоров через интернет-сайты нарушает баланс интересов сторон. Пользователь является слабой стороной в силу информационной асимметрии, неравенства переговорных возможностей, что требует установления специального правового режима в рамках регулирования отношений сторон по порядку совершения таких сделок.

Кроме того, требует отдельного исследования вопрос о целесообразности законодательного ограничения случаев, когда отсутствие доступности интернет-сервисов исключает возможность заключения договоров и влечет ограничение доступа к товарам, услугам или является препятствием для осуществления определенных видов деятельности.

2.2. Договоры, заключаемые путем составления одного электронного документа, подписанного сторонами

В п. 2 ст. 434 ГК РФ предусмотрено, что договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами. Подписание договоров осуществляется электронными подписями⁹. Такой договор в полной мере может быть отнесен к дистанционному договору.

В литературе высказывается сомнение относительно того, что возможность использования электронной формы договора в виде одного документа появилась только после внесения изменений в Кодекс в 2019 г. (Костикова, 2022). Использование данного способа заключения договора стало достаточно распространенной практикой в сфере недвижимости. Так оформляются договоры купли-продажи, договоры долевого участия в строительстве объектов недвижимого имущества, акты приема-передачи недвижимого имущества.

Детальный анализ сделок с недвижимым имуществом выходит за рамки настоящего исследования. Вместе с тем хотелось бы выразить свое отношение к оформлению в дистанционном режиме документов о передаче недвижимого имущества. Представляется, что допущение такого способа оформления актов применительно к недвижимости со стороны законодателя было поспешным, недостаточно проработанным. При этом «риски возникают у обеих сторон. Покупатель может столкнуться с тем, что состояние недвижимости не соответствует тому, как оно было показано продавцом дистанционно путем видеосвязи. Процесс доказывания для покупателя будет осложнен, поскольку результаты показа не зафиксированы. Кроме того, покупатель в данном случае, подписав акт приема-передачи, фактически не получает владение недвижимостью.

Для продавца такое оформление сделки и акта приема-передачи также может создать проблемы. Так, недобросовестный покупатель получает возможность ставить вопрос о том, что он заключил сделку под влиянием обмана или заблуждения, поскольку не осматривал объект недвижимости. Кроме того, покупатель может также ставить вопрос о том, что фактической передачи недвижимости не было, подписание акта носило фиктивный характер» (Савельева, 2022).

Изложенное свидетельствует о наличии нерешенных вопросов в связи с дистанционным характером взаимодействия сторон.

2.3. Договоры, заключаемые дистанционно в нотариальной форме (путем удостоверения двумя или несколькими нотариусами)

Необходимость и эффективность внедрения в нотариальную деятельность цифровых технологий не вызывает сомнений. Дистанционный порядок нотариального удостоверения сделок существенно упрощает получение нотариальных услуг участниками гражданского оборота.

Стороны сделки, находящиеся в разных регионах, могут заключить договор и удостоверить его нотариально, не покидая свое место нахождения.

⁹ Об электронной подписи. № 63-ФЗ от 06.04.2011 (с изменениями и дополнениями). СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brtE>

Процедура заключения таких дистанционных сделок включает следующие основные этапы:

- 1) предварительное согласование сторонами условий договора;
- 2) выбор каждым участником сделки нотариуса по месту своего нахождения;
- 3) оформление нотариусом паспорта сделки в программном комплексе, включая сведения о сделке, участниках, представителях;
- 4) добавление в базу документов;
- 5) фиксация информации:
 - подписание стороной сделки простой электронной подписью сведений об участнике сделки,
 - подписание нотариусом усиленной квалифицированной подписью сведений об участнике сделки;
- 6) обмен между нотариусами сведениями в базе данных, согласование паспорта сделки, последствием является блокирование всех операций с согласованной частью паспорта сделки;
- 7) подписание паспорта сделки всеми нотариусами;
- 8) удостоверение сделки, включая:
 - связь в формате видеоконференции, прочтение договора сторонами (представителями),
 - подписание каждой из сторон своего экземпляра договора на бумажном носителе,
 - подписание каждой из сторон договора простой электронной подписью,
 - подписание нотариусами договора квалифицированной электронной подписью,
 - завершение видеоконференции и регистрация записи нотариусами;
- 9) направление документов на государственную регистрацию.

Как мы видим, договор оформляется и подписывается не только в электронной форме, но и на бумажном носителе. В связи с этим в литературе справедливо ставится вопрос об установлении момента выражения воли лица совершить сделку (Лаптев, Соловяненко, 2022).

В рассматриваемом нами аспекте применительно к данному виду дистанционных договоров следует проанализировать, насколько механизм заключения такой сделки является надежной гарантией ее участников. Необходимо отметить, что дистанционный характер удостоверения сделки не снижает уровень требований к деятельности нотариуса по обеспечению законности сделки. Как и при удостоверении сделок в очном формате, нотариус проверяет правоспособность и дееспособность, устанавливает волю и добровольность волеизъявления, разъясняет последствия сделки, проверяет законность содержания сделки.

Вместе с тем использование информационных технологий, создавая удобства и комфорт для сторон сделки, имеет своей оборотной стороной возникновение рисков безопасности сделок. К таким рискам относятся риски уничтожения или искажения содержания электронных сделок в силу хакерских атак, внедрения вируса в программу. Возможны проблемы с идентификацией при дистанционном взаимодействии.

Следует согласиться с мнением Е. А. Кирилловой, что «цифровизация российского нотариата предоставляет новые возможности для граждан, однако цифровые технологии – это лишь вспомогательный инструмент, который не сможет

заменить такого специалиста, как нотариус, гарантирующего законность совершаемых сделок» (Кириллова, 2021).

При этом возникают вопросы о последствиях технологических сбоев, в том числе о порядке установления действительной воли сторон, о порядке истребования и оценке цифровых доказательств, многие из которых, к сожалению, на текущий момент не имеют ответов.

2.4. Сделки, совершаемые посредством обмена электронными документами

При анализе дистанционных сделок в аспекте соблюдения баланса интересов сторон невозможно игнорировать договоры, заключаемые путем обмена электронными документами.

Анализ судебной практики показывает значительное количество споров, в рамках которых суд вынужден давать оценку сообщениям, направленным по электронной почте¹⁰, СМС, переписке в мессенджерах¹¹ и т. п.

Следует отметить, что аналогичные вопросы рассматриваются судами зарубежных стран. В литературе отмечается, что в целом тенденция складывается в пользу признания подобной переписки в качестве допустимых доказательств, однако это не безусловное положение. В каждом конкретном деле судья оценивает допустимость такого доказательства (Козлова, Сергачева, 2022).

Представляется, что законодатель и/или, возможно, высшие судебные инстанции должны дать относительно четкие ориентиры участникам гражданского оборота по поводу возможности или невозможности использования средств дистанционных коммуникаций без электронной подписи применительно к типизированным ситуациям.

Наиболее безопасным для участников гражданского оборота является выстраивание двухступенчатой системы при использовании электронных сообщений:

- заключение соглашения об осуществлении электронного документооборота в традиционной форме (с указанием конкретных видов документов, адресов переписки);
- собственно обмен электронными документами.

Отметим, что в банковской практике широко распространено заключение подобных соглашений об электронном документообороте.

В других сферах, к сожалению, такое выстраивание электронного документооборота практически не применяется. Стороны обмениваются скан-копиями проектов договоров, протоколов разногласий, направляют письма-оферты, письма-акцепты, акты, иные документы во исполнение договорных обязательств по электронной почте. При этом никаких документов, легитимирующих электронный документооборот, сторонами не оформляется.

¹⁰ Постановление Президиума ВАС РФ № 18002/2012 от 12.11.2013 по делу А47-7950/2011. СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brts>

¹¹ Определение Пермского кассационного суда общей юрисдикции № 88-22889/2020 от 30.10.2020 по делу № 2-1314/2019; Определение Третьего кассационного суд общей юрисдикции № 88-17185/2020 от 29.10.2020. СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brSB>

Судебная практика не отличается единообразием подходов при оценке переписки, не заверенной электронной подписью. Суды, как правило, рассматривают спор, учитывая предшествующую практику сторон, их поведение по исполнению обязательств после переписки, дают оценку с учетом совершения конклюдентных действий, последующего одобрения и т. п.

Участникам гражданского оборота хотелось порекомендовать внимательно относиться к ведению переписки, по наиболее важным контрактам все-таки заключать договоры/соглашения о порядке дистанционного взаимодействия путем электронного документооборота.

Для предсказуемости разрешения судебных споров было бы целесообразным принятие разъяснений на уровне Верховного Суда РФ. Основой таких разъяснений должен быть подход, разграничивающий стадии, на которых велась переписка, и установление разных презумпций доказывания легитимности такой переписки.

Для преддоговорной стадии должны быть более жесткие критерии. Переписка без использования электронной подписи не должна рассматриваться в качестве юридически значимой (оферта, акцепт). Исключением, безусловно, должны быть случаи, когда между сторонами заключено соглашение об электронном документообороте.

Такой подход можно обосновать тем, что отправитель еще не вступил в отношения с контрагентом, не подтверждал свою идентификацию каким-либо адресом электронной почты и не должен нести риски того, что с его почты уйдет какое-либо несанкционированное им сообщение. Если же речь идет о последующих стадиях, то здесь можно было бы ввести презумпцию того, что отправленное с адреса электронной почты, указанного в договоре, сообщение признается выражением воли стороны договора.

Изложенное свидетельствует о необходимости выработки четких ориентиров распределения бремени доказывания при разрешении споров относительно оценки «заключенности» договора в ходе дистанционного взаимодействия посредством электронного документооборота.

3. Отдельные аспекты дистанционных сделок, выходящие за пределы частноправового регулирования

Необходимость выделения дистанционных сделок в отдельную категорию обусловлена, помимо прочего, рядом специфических аспектов, находящихся за пределами гражданско-правового регулирования. Некоторые из этих аспектов будут рассмотрены в настоящем разделе работы, не претендуя на полноту исследования.

3.1. Возложение на частных субъектов (носителей информации по дистанционным сделкам) публичных функций

Процесс цифровизации договорной сферы с неизбежностью ставит перед российским законодателем вопрос о возложении публичных функций на частных субъектов, которые являются носителями или хранителями информации о взаимодействии участников договорных отношений в цифровой среде.

Наделение частных субъектов публичными обязанностями не является новым явлением. В подтверждение можно привести несколько примеров из банковской сферы. Это осуществление банками контрольных функций по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем¹², выполнение функции валютного контроля¹³.

Публичные функции являются обременительными для кредитных организаций с экономической точки зрения, поскольку требуют дополнительных затрат, не связанных непосредственно с получением дохода. Это вступает в определенное противоречие с их гражданско-правовым статусом как коммерческих организаций, целью деятельности которых является извлечение прибыли. Между тем законодателем данные функции возложены на кредитные организации, и, очевидно, обязанности по их осуществлению должны рассматриваться в качестве неотъемлемой части их правового статуса.

Видимо, аналогичным образом придется решать вопрос и применительно к частным субъектам – правообладателям и хранителям информации о сделках, совершаемых в информационной среде.

В зарубежной литературе отмечается трансформация задач, стоящих перед интернет-провайдерами. «Частные субъекты не только принимают участие в разработке правил для своего сектора, но и несут ответственность за выявление нарушений. Частные субъекты не просто помогают государственному применению права путем внедрения правил; сегодня частные субъекты активно противодействуют нарушениям и разрабатывают стратегии и инструменты для этого» (Tosza, 2021).

В связи с активным развитием дистанционного совершения сделок на законодательном уровне потребуются решать вопрос о возложении на интернет-провайдеров функций, выходящих за пределы их частного интереса. К числу таких функций следует отнести обязанности по хранению и предоставлению информации о сделках, совершенных в сети Интернет (в случае спора между сторонами), а также функции по контролю ряда сделок или операций в целях обеспечения защиты публичных интересов.

3.2. Особенности доказывания по спорам, возникающим из дистанционных сделок

Дистанционный характер взаимодействия участников сделки с применением цифровых технологий на преддоговорном этапе, на стадиях заключения и исполнения договора порождает вопрос о специфике рассмотрения споров, процесса доказывания по таким спорам. Действующее законодательство не устанавливает каких-либо процессуальных особенностей рассмотрения споров, включая сбор и оценку цифровых доказательств, распределение бремени доказывания.

В зарубежной литературе удалось обнаружить достаточно детальное исследование относительно сбора, хранения, доступа к цифровым доказательствам, относящимся к расследованию дорожно-транспортных происшествий. В работе принята попытка комплексного исследования целого блока вопросов, касающихся

¹² О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. № 115-ФЗ от 07.08.2001 (с изменениями). СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brw7>

¹³ О валютном регулировании и валютном контроле. № 173-ФЗ (с изменениями) от 10.12.2003. СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brwh>

процесса доказывания аварий на транспорте, включая методы получения и передачи доказательств в цифровой сфере, доступ к данным, роль и ответственность различных заинтересованных лиц (Philip & Saravanaguru, 2022).

Описанная структура построения расследования несчастных случаев с использованием цифровых доказательств представляет интерес не только для сферы криминалистики.

Применительно к доказательствам и доказыванию по гражданским спорам, вытекающим из дистанционных сделок, отметим, что затронутые в указанной выше работе вопросы проверяемости доказательств и доверия сторон к источникам доказательств имеют первостепенное значение.

Представляется, что процедуры признания тех или иных доказательств допустимыми в рамках споров по дистанционным сделкам должны быть урегулированы на уровне закона. При этом стороны своим соглашением должны иметь возможность договориться о способе подтверждения тех или иных фактов в пределах, установленных законом. Установление законодателем этих пределов должно осуществляться с учетом баланса интересов сторон дистанционной сделки, возможной информационной асимметрии.

Еще один важный аспект рассмотрения споров, возникающих по дистанционным сделкам, касается применения судом того или иного стандарта доказывания, особенностей распределения бремени доказывания.

Действующее процессуальное законодательство не содержит определения стандарта доказывания. В юридической литературе высказываются разные точки зрения относительно целесообразности законодательного закрепления данной правовой конструкции (Токарева, 2023).

Между тем анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды при разрешении споров вырабатывают подходы по использованию определенных стандартов доказывания применительно к разным категориям споров («баланс вероятностей», «ясные и убедительные доказательства»)¹⁴.

Представляется, что для споров по дистанционным сделкам в части доказывания фактов, основанных на взаимодействии с использованием цифровых технологий, должен быть выработан специальный стандарт доказывания, основанный на учете правового положения участников сделки.

Данный вопрос требует специального исследования. В рамках постановки проблемы для обсуждения можно предложить, что обязанность по предоставлению цифровых доказательств должна возлагаться на сторону, которая является хранителем информации или наиболее тесным образом с лицом, осуществляющим хранение. На эту же сторону должно возлагаться бремя доказывания неизменности документа в случае, если другая сторона ссылается на его искажение. К стороне, которая является хранителем доказательств в цифровой среде, должен применяться стандарт «ясные и убедительные доказательства» применительно к тем обстоятельствам, на которые ссылается эта сторона. К другой же стороне достаточно применять стандарт «баланс вероятностей».

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 308-ЭС17-6757(2, 3) от 06.08.2018 по делу № А22-941/2006. СПС «Консультант Плюс». ссылку; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС16-18600(5-8) от 30.09.2019 по делу № А40-51687/2012. СПС «Консультант Плюс». <https://clck.ru/36brxP>

3.3. Использование потенциала искусственного интеллекта, смарт-контрактов при дистанционном взаимодействии участников договорных отношений

Отдельные сферы бизнеса несут в себе риски и неудобства для ключевых участников, которые можно было бы решить в рамках использования тех возможностей, которые заложены в цифровых технологиях, но не в полном объеме используются на практике.

В качестве примера приведем строительство различных объектов, имеющих коммерческую привлекательность (многоквартирных жилых домов, гостиниц, бизнес-центров и т. п.). К ключевым участникам проекта по строительству объекта можно отнести девелопера, застройщика, проектировщика, технического заказчика, генерального подрядчика, инвесторов, страховщиков, кредитную организацию и т. п.

На текущий момент отношения между участниками проекта по строительству объекта строятся в рамках двусторонних договорных обязательств примерно следующим образом:

- девелопер/застройщик – проектировщик;
- застройщик – инвестор/инвесторы;
- застройщик – генеральный подрядчик;
- генеральный подрядчик – подрядчик;
- генеральный подрядчик – поставщик;
- застройщик – технический заказчик;
- застройщик – кредитная организация;
- застройщик – страховая организация.

Для участников проекта важным является получение объективных и проверенных данных:

- на начальном этапе – относительно состояния рынка недвижимости, конъюнктуры спроса и предложения на аналогичные объекты, тенденций на этом рынке, а также относительно стоимости строительства и перспектив ее изменения;
- на последующих этапах – относительно рыночных изменений тех параметров, которые были заложены в бизнес-модель проекта на начальном этапе, а также степени готовности объекта в сопоставлении с установленным графиком.

Существующая практика свидетельствует, что сбор, проверка, анализ информации проводятся разными субъектами, что негативно влияет на инвестиционный климат.

Так, девелопер на самом начальном этапе должен оценить перспективы развития территории, определиться с концепцией будущего объекта строительства, провести экономический анализ, включая прогнозирование доходности инвестиций, подобрать соответствующий земельный участок, обеспечить разработку проектной документации.

На этапе получения банковского финансирования все параметры, заложенные в бизнес-модель проекта, проверяются и оцениваются кредитной организацией, которая прилагает дополнительные усилия для получения объективных данных из независимых источников, использует свои собственные методики для оценки рисков проекта. Инвесторы, принимая решение о вложениях в проект, также заинтересованы в получении объективной информации и правильной оценке потенциала проекта.

В последующем, на этапе строительства, все участники непосредственно заинтересованы в достоверной информации о ходе реализации проекта, влиянии на проект тех изменений, которые затрагивают параметры, заложенные в бизнес-модели проекта.

Занимаясь сбором, анализом сведений, ни один из субъектов не может быть уверен в их объективности, правильности проведенной им оценки и адекватности принимаемого риска. Это создает неуверенность у инвесторов относительно окупаемости проекта, влечет длительность рассмотрения кредитной организацией заявки на получение банковского кредитования и установление условий кредитования, исходя из консервативных подходов, направленных на хеджирование рисков, включая риск недостоверности информации.

Таким образом, указанные обстоятельства приводят в сфере строительства к тому, что предприниматели в конечном итоге отказываются от реализации интересных идей, исходя из сложности доказывания инвесторам и кредитующему банку перспектив окупаемости и получения дохода.

Аналогичная ситуация складывается и в иных сферах, где бизнес-процесс основан на производственной и финансовой интеграции с участием большого числа субъектов. В литературе отмечается, что в последние годы появилось финансирование цепочки поставок – финансовая деятельность, производная от производственной цепочки реального сектора экономики. Предлагается применение смарт-контрактов в цепочке поставок. Это позволит решить проблему доступа к кредитным ресурсам малым и средним предприятиям (Zhang et al., 2021). Цепочка поставок и все ее логические взаимосвязи должны быть полностью отображены в блокчейн-сети, чтобы обеспечить прозрачность, подлинность и проверяемость каждой из них (Dietrich et al., 2020).

Представляет интерес исследование, проведенное Will Serrano, которым представлены модель валидации и верификации (V & V), рынок данных на основе искусственного интеллекта (AI), который состоит из трех уровней верификации, каждая из которых имеет ценность для определенных участников проекта. Так, серебряная проверка имеет значение, в частности, для страховщиков. Она включает анализ данных в целях выявления отклонений от диапазона или правила добавленной стоимости. Третий уровень – «Gold verification: прогнозирование данных на основе нескольких алгоритмов искусственного интеллекта и Модели машинного обучения (ML)» – имеет значение для города или управляющих активами и городских застройщиков (Serrano, 2022).

Изложенное позволяет сделать вывод, что внедрение информационной интерактивной модели с проверкой данных через блокчейн и смарт-контракт позволит решить вопросы доверия между участниками бизнес-процессов с высокой степенью производственной интеграции, обеспечит возможность эффективного управления и коммерциализации проекта или инвестиций.

Правовой механизм внедрения подобной информационно-экономической модели проекта или цепочек поставок должен включать, на наш взгляд, в качестве начального этапа закрепление в актах публичного права правил, предусматривающих:

- разработку требований к искусственному интеллекту для решения указанных выше задач;
- проведение экспертизы на предмет корректности задач перед искусственным интеллектом и признания результатов их решения. Экспертиза должна быть проведена с участием профильных государственных органов (в сфере строительства и органов надзора в сфере банковской деятельности и т. п.).

Отношения между субъектами частного права могут строиться с использованием модели дистанционных сделок, предметом которых будет являться использование данных, содержащихся в информационной модели проекта без права внесения туда корректировок, удаления данных и т. п.

Более детальный анализ предлагаемого варианта использования дистанционных сделок на текущий момент сделать не представляется возможным в силу отсутствия разработки базовых подходов даже на уровне проектов нормативных актов либо разработок доктрины в данной области публичного права.

Выводы

1. Развитие цифровых технологий порождает новые дистанционные способы совершения сделок, а также наполняет новым содержанием традиционные для гражданского права процедуры заключения договора путем обмена сообщениями.

2. Действующее законодательство не выделяет «дистанционный договор» в качестве правовой конструкции (модели) гражданско-правового договора.

Между тем применение цифровых технологий при дистанционном способе взаимодействия участников договорных отношений порождает значительное число проблем, которые могли бы быть решены в рамках специальной договорной конструкции «дистанционного договора» с установлением специального правового режима.

3. Автором выделяются следующие признаки «дистанционного договора»:

- заключение договора без личного присутствия сторон в момент выражения воли в месте заключения договора;
- использование цифровых технологий при дистанционном характере взаимодействия.

В рамках специального правового режима «дистанционного договора» должны быть решены как минимум следующие вопросы:

- о критериях установления статуса сторон договора, признания одной из них слабой стороной;
- об условиях ответственности сторон, в том числе о применении принципа «строгой» ответственности (независимо от наличия вины), о пределах его применения;
- о том, кто несет риски технологических сбоев, хакерских атак;
- о распределении бремени доказывания между сторонами.

4. В качестве правовой категории наряду с «дистанционным договором» следует выделить и «дистанционные сделки».

При этом базовым понятием должно являться понятие «дистанционного договора», правила о котором могут быть распространены на односторонние дистанционные сделки.

5. Односторонняя сделка может быть квалифицирована в качестве дистанционной сделки при наличии следующих признаков:

- односторонняя сделка является сделкой, требующей восприятия;
- доведение волеизъявления до контрагента осуществляется с использованием цифровых технологий.

6. Необходимость выделения дистанционных сделок в отдельную категорию обусловлена, помимо прочего, рядом специфических аспектов, находящихся за пределами гражданско-правового регулирования. К их числу можно отнести:

- возложение на частных субъектов (носителей информации по дистанционным сделкам) публичных функций;
- особенности доказывания по спорам, возникающим из дистанционных сделок;
- использование потенциала ИИ, смарт-контрактов при дистанционном взаимодействии участников договорных отношений.

Список литературы

- Акужинов, А. (2020). Сделки, требующие и не требующие восприятия: теоретическое и практическое основание квалификации. *Цивилистика*, 6, 124–152. <https://www.elibrary.ru/hhnnis>
- Белов, В. А. (2021). Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения. *Право и экономика*, 9, 35–41. <https://www.elibrary.ru/zcbdhr>
- Гринь, О. С. (2019). Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий. *Актуальные проблемы российского права*, 6, 49–57. EDN: <https://www.elibrary.ru/whwjyc>. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.049-057>
- Егоров, А. В. (2015). Верховный суд разъяснил понятие сделки. Наступила ли ясность? *Арбитражная практика*, 12, 29. <https://www.elibrary.ru/wmlhlv>
- Ефимова, Л. Г. (2019). Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки. *Lex russica*, 8, 129–137. EDN: <https://www.elibrary.ru/evaoho>. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.153.8.129-137>
- Ефимова, Л. Г., Сизимова, О. Б. (2019). Правовая природа смарт-контракта. *Банковское право*, 1. EDN: <https://www.elibrary.ru/yvaxlv>. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2019-1-21-28>
- Кириллова, Е. А. (2021). Нотариальные сделки в электронной форме: некоторые проблемы практики. *Нотариус*, 5, 41–43. EDN: <https://www.elibrary.ru/uvzbuj>. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1204-2021-5-41-43>
- Козлова, М. Ю., Сергачева, О. А. (2022). Влияние цифровизации на форму договора. *Цивилист*, 1. <https://www.elibrary.ru/edwlwo>
- Костикова, Г. В. (2022). Электронные сделки: новеллы законодательства. *Хозяйство и право*, 2, 49–59. EDN: <https://elibrary.ru/azafwm>. DOI: <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2022-2-49-59>
- Кузьмина, А. В., Ломакина, Е. А. (2022). Защита слабой стороны от навязывания несправедливых условий договора, заключаемого в сети Интернет. *Российский юридический журнал*, 4. EDN: <https://elibrary.ru/zcrhpw>. DOI: https://doi.org/10.34076/20713797_2022_4_121
- Лаптев, В. А., Соловяненко, Н. И. (2022). Дистанционная сделка и электронная подпись: правовая конструкция и форма заключения. *Юрист*, 12, 16–22. EDN: <https://elibrary.ru/qpaihf>. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2022-12-16-22>
- Михайлова, А. С. (2020). К вопросу об отдельных аспектах применения электронных технологий в процессе удостоверения завещаний. *Нотариус*, 7, 28–31. EDN: <https://elibrary.ru/onmssw>. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1204-2020-7-28-31>
- Овчинникова, Ю. С. (2022). Цифровизация страховых услуг: защита слабой стороны договора и частной жизни. *Имущественные отношения в Российской Федерации*, 3, 73–81. EDN: <https://elibrary.ru/sywrqk>. DOI: <http://dx.doi.org/10.24412/2072-4098-2022-3246-73-81>
- Савельев, А. И. (2016). Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права. *Вестник гражданского права*, 3, 32–60. <https://elibrary.ru/whffcx>
- Савельева, Т. А. (2022). Цифровизация: защита слабой стороны договора. В сб. И. Р. Бегишев, Е. А. Громова, М. В. Залоило, И. А. Филипова, А. А. Шутова, *Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции* (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) (в 6 т. Т. 2, с. 478–490). Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета. EDN: <https://elibrary.ru/jsixfm>. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0769-0_2022_2_556
- Токарева, Е. В. (2023). О месте «стандарта доказывания» в цивилистическом процессе. *Вестник арбитражной практики*, 2, 35–40. <https://clck.ru/36m8nU>
- Уткин, В. В. (2022). К вопросу о правовом регулировании смарт-контрактов. *Хозяйство и право*, 11, 92–98. <http://dx.doi.org/10.18572/0134-2398-2022-11-92-98>
- Филипова, И. А. (2023). Искусственный интеллект: горизонт влияния на трудовые правоотношения. *Юрист*, 3, 23–28. <http://dx.doi.org/10.18572/1812-3929-2023-3-23-28>
- Цепов, Г. В., Иванов, Н. В. (2022). К цивилистической теории смарт-контрактов. *Закон*, 3, 149–172. <http://dx.doi.org/10.37239/0869-4400-2022-18-3-149-172>
- Челышева, Н. Ю. (2022). Концепция правового регулирования смарт-контракта в гражданском праве. *Право и экономика*, 7, 32–36. <https://elibrary.ru/mjmzfn>
- Чурилов, А. Ю. (2020). К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта. *Юрист*, 7, 25–30. EDN: <https://elibrary.ru/bouxik>. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-7-25-30>
- Шелепина, Е. А. (2021). Тенденции правового регулирования электронного документооборота в национальном гражданском праве. *Право и цифровая экономика*, 1, 26–35. EDN: <https://elibrary.ru/qhhhgi>. DOI: <http://dx.doi.org/10.17803/2618-8198.2021.11.1.026-035>

- Яценко, Т. С. (2019). Проблемы правового регулирования электронных завещаний в зарубежных странах. *Нотариус*, 7, 42–44. <https://elibrary.ru/idsjmi>
- Aquilina, S. J., Casino, F., Vella, M., Ellul, J., & Patsakis, C. (2021). EtherClue: Digital investigation of attacks on Ethereum smart contracts. *Blockchain: Research and Applications*, 2(4), 100028. <https://doi.org/10.1016/j.bcra.2021.100028>
- Dietrich, F., Palm, D., & Louw, L. (2020). Smart contract based framework to increase transparency of manufacturing networks. *Procedia CIRP*, 91, 278–283. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2020.02.177>
- Ferro, E., Saltarella, M., Rotondi, D., Giovanelli, M., Corrias, G., Moncada, R., Cavallaro, A., & Favenza, A. (2023). Digital assets rights management through smart legal contracts and smart contracts. *Blockchain: Research and Applications*, 4(3), 100142. <https://doi.org/10.1016/j.bcra.2023.100142>
- Hsain, Ya. Ait, Laaz, N., & Mbarki, S. (2021). Ethereum's Smart Contracts Construction and Development using Model Driven Engineering Technologies: a Review. *Procedia Computer Science*, 184, 785–790. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.03.097>
- Kennedy, G. (2023). The "Gold" Standard – China finalises the long-anticipated Standard Contract under the Personal Information Protection Law. *Computer Law & Security Review*, 49, 105832. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105832>
- Kirli, D., Couraud, B., Robu, V., Salgado-Bravo, M., Norbu, S., Andoni, M., Antonopoulos, I., Negrete-Pincetic, M., Flynn, D., & Kiprakis, A. (2022). Smart contracts in energy systems: A systematic review of fundamental approaches and implementations. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 15, 112013. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.112013>
- Lim, A., & Pan, E. (2021). 'Toward a Global Social Contract for Trade' – a Rawlsian approach to Blockchain Systems Design and Responsible Trade Facilitation in the New Bretton Woods era. *Journal of Responsible Technology*, 6, 100011. <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2021.100011>
- Philip, A. O., & Saravanaguru, R. K. (2022). Smart contract based digital evidence management framework over blockchain for vehicle accident investigation in IoV era. *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 34(7), 4031–4046. <https://doi.org/10.1016/j.jksuci.2022.06.001>
- Serrano, W. (2022). Verification and Validation for data marketplaces via a blockchain and smart contracts. *Blockchain: Research and Applications*, 3(4), 100100. <https://doi.org/10.1016/j.bcra.2022.100100>
- Tărchilă, P., & Nagy, M. (2015). Comparative Approach of the Electronic Contract and Classical Contract, in Teaching The Content of the New Civil Code in Romania. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 191, 464–468. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.588>
- Tosza, S. (2021). Internet service providers as law enforcers and adjudicators. A public role of private actors. *Computer Law & Security Review*, 43, 105614. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105614>
- Van Rompaey, L., Jønsson, R., & Jørgensen, K. E. (2022). Designing lawful machine behaviour: Roboticians' legal concerns. *Computer Law & Security Review*, 47, 105711. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105711>
- Zhang, TianLin, Li, JinJiang, & Jiang, Xinbo. (2021). Supply chain finance based on smart contract. *Procedia Computer Science*, 187, 12–17. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.04.027>

Сведения об авторе

Савельева Татьяна Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

Адрес: 630007, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Советская, 7

E-mail: sta.sd@bk.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-9831-665X>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1195986

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.27.41 / Сделки

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 31 июля 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 21 августа 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 30 ноября 2023 г.

Дата онлайн-размещения – 15 декабря 2023 г.

Research article

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.46>

Remote Methods of Conducting Transactions Using Digital Technologies

Tatyana A. Savelyeva

Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University
Novosibirsk, Russia

Keywords

artificial intelligence,
balance of interests,
blockchain,
digital technologies,
distant contract,
distant transaction,
electronic document,
information technologies,
law,
smart contract

Abstract

Objective: to substantiate the need to identify new contractual constructs (models) taking into account the specific relations associated with the use of remote method of contract conclusion through digital technologies and to study the possible risks for their participants.

Methods: along with special legal methods, the method of critical analysis was fundamental for the research process, which allowed us to evaluate and interpret the main sources and norms of civil law in relation to distant transactions. It also allowed assessing the current state of legislation in this area in the context of developing processes of digitalization and technologization of civil-law relations.

Results: a critical analysis of the current state of legal regulation of remote ways of concluding contracts is presented, their classification is given. It is concluded that the digital technologies development gives rise to new remote ways of transactions, as well as fills with new content the procedures of contract conclusion, traditional for civil law. The expediency of singling out the concept of a "distant transaction" as a legal category in order to create a special civil-law regime is substantiated, and the basic concept being that of a "distant contract". Certain types of distant contracts are analyzed to substantiate the need for special legal regimes in cases when the distant method of contract conclusion is combined with the use of digital technologies. It poses such problems as the distribution of risks of technological failures, hacker attacks, compliance with the balance of interests of the parties taking into account information asymmetry, and the need to protect the weaker party.

© Savelyeva T. A., 2023

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: an attempt is made to define such concepts as a “distant contract” and a “distant transaction” and to identify their features. The expediency is substantiated of considering a distant contract as a separate legal construction (model) of the contract. Within this framework, a special legal regime should be developed and fixed, which can be extended to unilateral distant transactions. The problems of legal regulation caused by the use of information technologies are formulated, and legal constructions for their solution are proposed.

Practical significance: the final conclusions and proposals can be used both in contractual practice by the participants of civil turnover and for the normative consolidation of the concept and features of “distant contract”, “distant transaction”. A special legal regime can be created, taking into account the specificity generated by the use of digital technologies.

For citation

Savelyeva, T. A. (2023). Remote Methods of Conducting Transactions Using Digital Technologies. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 1058–1086. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.46>

References

- Akuzhinov, A. (2020). Transactions requiring and not requiring discernment: theoretical and practical basis for qualification. *Tsivilistika*, 6, 124–152. (In Russ.).
- Aquilina, S. J., Casino, F., Vella, M., Ellul, J., & Patsakis, C. (2021). EtherClue: Digital investigation of attacks on Ethereum smart contracts. *Blockchain: Research and Applications*, 2(4), 100028. <https://doi.org/10.1016/j.bcr.2021.100028>
- Belov, V. A. (2021). Smart contract: concept, legal regulation, law enforcement practice, consumer relations. *Pravo i ehkonomika*, 9, 35–41. (In Russ.).
- Chelysheva, N. Yu. (2022). Concept of legal regulation of smart contract in civil law. *Pravo i ehkonomika*, 7, 32–36. (In Russ.).
- Churilov, A. Yu. (2020). On the concept and legal nature of a smart contract. *Yurist*, 7, 25–30. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-7-25-30>
- Dietrich, F., Palm, D., & Louw, L. (2020). Smart contract based framework to increase transparency of manufacturing networks. *Procedia CIRP*, 91, 278–283. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2020.02.177>
- Efimova, L. G. (2019). On the Concept and Legal Nature of the Electronic Form of the Transaction. *Lex Russica*, 8, 129–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.153.8.129-137>
- Efimova, L. G., & Sizemova, O. B. (2019). Legal nature of a smart contract. *Banking Law*, 1. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2019-1-21-28>
- Egorov, A. V. (2015). The Supreme Court has clarified the concept of a transaction. Has it become clearer? *Arbitrazhnaya praktika*, 12, 29. (In Russ.).
- Ferro, E., Saltarella, M., Rotondi, D., Giovanelli, M., Corrias, G., Moncada, R., Cavallaro, A., & Favenza, A. (2023). Digital assets rights management through smart legal contracts and smart contracts. *Blockchain: Research and Applications*, 4(3), 100142. <https://doi.org/10.1016/j.bcr.2023.100142>
- Filipova, I. A. (2023). Artificial Intelligence: The Degree of Influence on Labor Relations. *Yurist*, 3, 23–28. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.18572/1812-3929-2023-3-23-28>
- Grin, O. S. (2019). Transformation of contract form requirements based on the development of digital technologies. *Actual Problems of Russian Law*, 6, 49–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.049-057>
- Hsain, Ya. Ait, Laaz, N., & Mbarki, S. (2021). Ethereum’s Smart Contracts Construction and Development using Model Driven Engineering Technologies: a Review. *Procedia Computer Science*, 184, 785–790. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.03.097>

- Kennedy, G. (2023). The “Gold” Standard – China finalises the long-anticipated Standard Contract under the Personal Information Protection Law. *Computer Law & Security Review*, 49, 105832. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105832>
- Kirillova, E. A. (2021). Notary transactions in electronic form: some problems of practice. *Notary*, 5, 41–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1813-1204-2021-5-41-43>
- Kirli, D., Couraud, B., Robu, V., Salgado-Bravo, M., Norbu, S., Andoni, M., Antonopoulos, I., Negrete-Pincetic, M., Flynn, D., & Kiprakis, A. (2022). Smart contracts in energy systems: A systematic review of fundamental approaches and implementations. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 15, 112013. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.112013>
- Kostikova, G. V. (2022). Electronic transactions: legislative novelties. *Khozyaistvo i pravo*, 2. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2022-2-49-59>
- Kozlova, M. Yu., & Sergacheva, O. A. (2022). The impact of digitalization on the form of a contract. *Tsivilist*, 1. (In Russ.).
- Kuzmina, A. V., & Lomakina, E. A. (2022). Protection of the weak party from the imposition of unfair terms of the contract concluded on the Internet. *Russian Juridical Journal*, 4. (In Russ.). https://doi.org/10.34076/20713797_2022_4_121
- Laptev, V. A., & Solovyanenko, N. I. (2022). A Distance Transaction and an Electronic Signature: The Legal Structure and the Form of Conclusion. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2022-12-16-22>
- Lim, A., & Pan, E. (2021). ‘Toward a Global Social Contract for Trade’ – a Rawlsian approach to Blockchain Systems Design and Responsible Trade Facilitation in the New Bretton Woods era. *Journal of Responsible Technology*, 6, 100011. <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2021.100011>
- Mikhaylova, A. S. (2020). On some aspects of electronic technology application in will attestation. *Notary*, 7, 28–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1813-1204-2020-7-28-31>
- Ovchinnikova, Yu. S. (2022). Digitalization of insurance services: protection of the weak side of the contract and private life. *Property Relations in the Russian Federation*, 3, 73–81. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.24412/2072-4098-2022-3246-73-81>
- Philip, A. O., & Saravanaguru, R. K. (2022). Smart contract based digital evidence management framework over blockchain for vehicle accident investigation in IoV era. *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 34(7), 4031–4046. <https://doi.org/10.1016/j.jksuci.2022.06.001>
- Savelyev, A. I. (2016). Contract law 2.0: “smart contracts” and the beginning of the end of the classic contract law. *Civil Law Review*, 3, 32–60. (In Russ.).
- Savelyeva, T. A. (2022). Digitalization: protection of the weak side of the contract. In I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, & A. A. Shutova, *Digital Technologies and Law: collection of works of the I International Scientific and Practical Conference* (Kazan, September 23, 2022). (In 6 vol. Vol. 2, pp. 478–490). Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0769-0_2022_2_556
- Serrano, W. (2022). Verification and Validation for data marketplaces via a blockchain and smart contracts. *Blockchain: Research and Applications*, 3(4), 100100. <https://doi.org/10.1016/j.bcra.2022.100100>
- Shelepina, E. A. (2021). Trends of legal regulation of electronic document flow in national civil law. *Law and Digital Economy*, 1, 26–35 (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17803/2618-8198.2021.11.1.026-035>
- Tărchilă, P., & Nagy, M. (2015). Comparative Approach of the Electronic Contract and Classical Contract, in Teaching The Content of the New Civil Code in Romania. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 191, 464–468. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.588>
- Tokareva, E. V. (2023). On the place of the “standard of proof” in the civilistic procedure. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki*, 2, 35–40. (In Russ.). <https://clck.ru/36m8nU>
- Tosza, S. (2021). Internet service providers as law enforcers and adjudicators. A public role of private actors. *Computer Law & Security Review*, 43, 105614. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105614>
- Tsepov, G. V., Ivanov, N. V. (2022). Towards a Civil-Law Theory of Smart Contracts. *Zakon*, 3, 149–172. (In Russ.). <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-18-3-149-172>
- Utkin, V. V. (2022). On the legal regulation of smart contracts. *Economy and Law*, 11, 92–98. <http://dx.doi.org/10.18572/0134-2398-2022-11-92-98>
- Van Rompaey, L., Jønsson, R., & Jørgensen, K. E. (2022). Designing lawful machine behaviour: Roboticians’ legal concerns. *Computer Law & Security Review*, 47, 105711. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105711>
- Yatsenko, T. S. (2019). Problems of legal regulation of electronic wills in foreign countries. *Notary*, 7, 42–44. (In Russ.).
- Zhang, TianLin, Li, JinJiang, & Jiang, Xinbo. (2021). Supply chain finance based on smart contract. *Procedia Computer Science*, 187, 12–17. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.04.027>

Author information

Tatyana A. Savelyeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of Department of Civil Law, Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University
Address: 7 Sovetskaya Str., 630007 Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: sta.sd@bk.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-9831-665X>
РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1195986

Conflicts of interest

The authors declare no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – July 31, 2023

Date of approval – August 21, 2023

Date of acceptance – November 30, 2023

Date of online placement – December 15, 2023